

К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ СТАТУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСОЛОГИИ

И.В. Чекулай
chekulai@bsu.edu.ru

О.Н. Прохорова
prokhorova@bsu.edu.ru

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)*

Цель настоящей статьи заключается в разработке проблемы типологии статусно-ориентированного дискурса. Актуальность выбранной темы состоит в том, что сегодня в современной дискурсологии существует несколько терминологических номинаций дискурса, относящегося к данному общему типу как противопоставленному персональному дискурсу. Сюда относятся такие терминологические словосочетания, как «институциональный дискурс», «деловой дискурс», «экспертный дискурс», «специальный дискурс» и «профессиональный дискурс». Эти терминологические номинации часто пересекаются, и тем самым затушёвываются существенные черты различия между указанными дискурсивными типами. Жанровое разнообразие письменных текстов и устных диалогических единств, относящихся к специальному (т.е. предполагающему определённые специальные знания со стороны по крайней мере одного из участников коммуникации) дискурсу, является одним из таких «затеняющих» факторов. Более того, у многих авторов, исследующих статусно-ориентированный дискурс с лингвистических позиций, можно встретить употребление абсолютно разных терминов. Настоящая статья призвана показать, что эти термины относятся к различным сущностям не только номинативно-терминологически, но и онтологически. Во-первых, они явно обозначают иерархически разные уровни дискурса. Во-вторых, представляется убедительным, что для каждого из них характерен определённый категориальный статус ролей участников дискурса. В-третьих, предполагается, что соотношение устных и письменных форм речи является специфическим для каждого из представленных типов дискурса. Анализ эмпирического материала настоящей статьи подтверждает выдвигаемые теоретические положения и наглядно демонстрирует необходимость и важность систематического изучения данной проблемы в русле лингвистической дискурсологии.

Ключевые слова: статусно-ориентированный дискурс, институциональный дискурс, деловой дискурс, экспертный дискурс, специальный дискурс, институциональный дискурс.

1. ВВЕДЕНИЕ

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма за относительно недолгое существование накопила достаточно широкий круг фундаментальных проблем, имеющих высокую степень важности их решения не только в лингвистике, но и в других смежных гуманитарных отраслях научного знания – в психологии, культурологии, литературоведении, истории, политологии, социологии и др. К этому следует добавить, что большое число проблемных узлов вышло за собственно гуманитарные пределы и охватывает различные сферы производственных, экономических, урбанистических, межгосударственных, юридических и иных отношений, которые формируют полную

картину современного общества. Усложнение взаимодействия между людьми, организующими и воплощающими эти области жизни, пересечение интересов индивидуумов, занятых в общей сфере деятельности, её различных проявлениях, или же случаи, когда человек в силу динамики современных социальных связей оказывается втянутым в некоторую сферу, в которой он не имеет никакого опыта (например, первый раз берёт кредит, покупает автомобиль, едет за рубеж, или же он, всю жизнь прожив в городской квартире, получает возможность приобрести частное домовладение), путают и без того достаточно непростую сетку дискурсивного взаимодействия между членами одного или разных исторически сложившихся социумов. Как справедливо, по нашему мнению, полагают М.И. Солнышкина и О.Д. Кузьмина, «институциональный дискурс противопоставлен персональному по признаку личностной либо представительской ориентации субъектов общения. Вместе с тем не существует абсолютно личностного и абсолютно статусного общения, институциональность имеет градуальный характер» [Солнышкина, Кузьмина, 2009, с. 34].

Но, как ни парадоксально, именно такая интерференция, а точнее говоря, необходимость найти научные основания для того, чтобы распутать этот «коммуникативный клубок», и обусловили появление дискурсологии как комплексной дисциплины, одной из центральных составляющих которой является лингвистическая. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать существующий на сегодняшний день массив теоретического материала и установить границы между дискурсивными подтипами статусно-ориентированного общения.

2. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Как известно, в соответствии с положениями социолингвистической классификации дискурса по В.И. Карасику существуют два его основных типа – персональный и институциональный, где понятие персонального дискурса подразумевает сугубо «человеческое» отношение (например, в семье, между друзьями, или же между автором художественного произведения и его читателями), а институциональный дискурс подразумевает общение внутри некоторой специальной сферы между людьми, выполняющими совместные действия в силу их личной или общественной необходимости. Вслед за В.И. Карасиком многие исследователи дискурса подчёркивают тот факт, что персональный дискурс является личностно-ориентированным, а институциональный – статусно-ориентированным [Карасик, 2002, с. 278; Данилова, 2015, с. 316]. В принципе, такое определение представляется верным, если под «ориентацией» дискурса понимать основные цели, суммарно преследуемые его участниками. Однако со структурной, «технической» точки зрения дело обстоит сложнее. Проблема состоит в том, что всё-таки и адресант, и адресат сообщения, и их собеседники (если дискурс реализуется в устной форме) – это не просто индивиды, а разумные личности в психологическом смысле этого термина, и тем самым в институциональном дискурсе, помимо ведущей статусной ориентации, достаточно весомым становится и личностный компонент.

Термин «институциональный дискурс» в исследованиях англоязычного производственного или иного, отличного от персонального дискурса, использовался М. Агаром ещё в 1985 году, т.е. практически на заре становления дискурсологии как системной области знания. Обращает на себя внимание тот факт, что в этой работе автор сводит понятие институционального дискурса к отношениям, возникающим между работником некоторой организации, обслуживающей население, и клиентами из непрофессиональной для данной отрасли общественных институтов массы населения. М. Агар достаточно необычно определяет такие отношения как «неестественный не-диалог», в частности: “One person – a citizen of a modern nation/state – comes into contact

with another – a representative of one of its institutions. The discourse that results is something more than *unnatural non-conversation*” [Agar, 1985, pp. 147]. Нетрудно заметить, что с тех пор сфера терминологического понятия «институциональный дискурс» стала более обширной.

Другим известным термином, обозначающим статусно-ориентированный дискурс, является «деловой дискурс». В какой-то мере это – многозначный термин. Например, Т.А. Ширяева причисляет к участникам делового дискурса такие роды занятия людей, как «управленцев всех звеньев, деловых людей, предпринимателей, ученых, клиентов, людей, интересующихся бизнесом» [Ширяева, 2011, с. 13]. Тем самым в состав участников делового дискурса включаются не только специалисты, профессионалы своего дела, но и люди, причастные к данному виду профессиональной деятельности, но не занятые в нём. Ещё ранее она включает в состав других видов институционального дискурса (в одном ряду с политическим, административным и др.) также и деловой дискурс [Ширяева, 2007, с. 103]. Таким образом, в концепции Т.А. Ширяевой деловой дискурс – это лишь часть институционального дискурса, которая не может претендовать на статус некоторого категориального объединения различных статусно-ориентированных дискурсов. Подобную точку зрения разделяет и Е.В. Пономаренко [Пономаренко, 2016].

Совершенно противоположной точки зрения придерживается А.О. Стеблецова, которая даёт следующее определение термина «деловой дискурс»: «[...] в [...] исследовании мы рассматриваем деловой дискурс как универсальный тип институционального дискурса и как коммуникативное взаимодействие в любой сфере профессиональной деятельности. Таким образом, деловой дискурс – это *способ организации коммуникативного взаимодействия в институциональных рамках для достижения конкретных целей*. В данной трактовке деловой дискурс выступает как универсальный метадискурс, своего рода теоретическая абстракция» [Стеблецова, 2014, с. 659-660].

К терминам «институциональный дискурс» и «деловой дискурс» хотелось бы добавить ещё термин «специальный дискурс». Следует отметить, что для описания такого типа дискурса, который ограничен некоторой специальной областью общественных знаний, опыта, навыков применения и достаточно чётко выраженной общественно значимой функцией, данный термин встречается нечасто. В основном этот термин популярен среди исследователей дискурса сквозь призму профессиональной подготовки в средних специальных и высших учебных заведениях, но в основу его описания полагаются достаточно корректные (с сугубо лингвистической точки зрения) основания. В частности, на сайте Н.Н. Гавриленко даётся следующее определение данного термина: «Специальный дискурс – подвид дискурса, который характеризуется с позиций определенной тематики и функций общения, профессионального статуса отправителя и получателя высказывания, в рамках социального института науки и техники, специфических характеристик ситуации общения, канала передачи информации» [Словарь терминов]. По её мнению, «профессионально ориентированные тексты рассматриваются исследователями как один из подвидов специального дискурса, который характеризуется с позиций определенной тематики и функций общения, профессионального статуса отправителя и получателя высказывания, в рамках определенного социального института, специфических характеристик ситуации общения, канала передачи информации» [Гавриленко, 2015, с. 203]. Таким образом, для описания статусно-ориентированного дискурса в научном лингвистическом обиходе можно выделить, по меньшей мере, три термина: «институциональный/ деловой/ специальный дискурс».

Л.С. Бейлинсон отмечает следующее: «Профессиональная речь в коммуникативном плане представляет собой особый ракурс рассмотрения дискурса, отличающийся как от модели институционального дискурса (педагогического, медицинского, дипломатического и др.), по В.И. Карасику, так и от модели делового дискурса, по В.Г. Борботько. В первом случае имеется в виду уточнение содержания институционального дискурса по основным параметрам его изучения – цель, участники, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты, во втором случае подразумевается противопоставление двух основных типов дискурса – делового, цель которого направлена вовне, в познавательную или практическую предметную деятельность, и игрового, цель которого заключается в нем самом и находит выражение в художественном творчестве, игре, общении ради общения» [Бейлинсон, 2009, с. 145]. Казалось бы, данное положение ещё больше запутывает общую, и без того сложную терминологическую картину, целью которой является системное научное описание некоторой специальной общественно значимой сферы деятельности, требующей наличия собственной «коммуникативной ауры», специальной терминологии, и в то же время допускающей внутри себя неформальное человеческое общение и взаимодействие с массовым потребителем или иным членом языкового социума, не имеющим какой-либо статусной позиции в системе взаимодействий внутри этой специальной сферы. Тем не менее, важным представляется дальнейшее развитие этого положения: «Профессиональный дискурс в определенной мере пересекается с институциональным, но весьма распространенной является ситуация, когда профессионалы хорошо знакомы между собой и общаются неформально, тем не менее ведя речь на профессиональную тему. Примером такого дискурса может быть диалог ученых в кулуарах конференции, когда идет живое обсуждение проблем науки. В этом смысле собственно институциональным следует признать только тот тип профессионального общения, который имеет место в диалоге представителя института и человека со стороны, например, врача и пациента или адвоката и его клиента» [Op.cit., с. 145-146].

Таким образом, к трём указанным выше терминам, обозначающим статусно-ориентированный дискурс, присоединяется ещё и четвёртый – «профессиональный дискурс». Этот термин является не менее устоявшимся в современной лингвистической дискурсологии, чем «институциональный дискурс». Об этом свидетельствуют многочисленные работы, посвящённые исследованиям дискурса в производственной, научной, обслуживающей и других сферах общественного регулирования деятельности индивидов и общества в целом, как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях.

Е.И. Голованова определяет профессиональный дискурс следующим образом: «Профессиональный дискурс представляет собой род институционального, или социально-ориентированного, дискурса. Количество разновидностей профессиональных дискурсов соответствует количеству выделяемых профессиональных сфер деятельности» [Голованова, 2013, с. 32-33]. Как видно, формулировки данного определения достаточно чёткие и конкретные, но, как показывает практика анализа данного и родственных ему терминов, реальное положение дел с профессиональным дискурсом не является столь отчётливо выраженным.

Что касается изучения характеристик дискурса, отличающегося от персонального, то следует сказать, что в странах Европы наиболее заметной, по нашему мнению, является деятельность учёных преимущественно из скандинавских стран, своего рода руководителем и координатором такой деятельности является шведский учёный Бритт-Луиз Гуннарссон. В одной из таких совместных работ она во введении добавляет ещё термин статусно-ориентированного дискурса, а именно, «organizational discourse». Здесь она высказывает интересную мысль, которая, на первый взгляд,

подвергает сомнению все попытки обоснования такого социально направленного дискурса, а именно: “A study of discourse in organizations is not only concerned with the relationship between people, but also the life and culture of the organization as a social entity” [Gunnarsson et al., 1999, pp. 10]. В связи с этим возникает мысль о том, что, поскольку такой организационный дискурс (или «дискурс организации») ставит на первое место человеческие отношения внутри некоторого организованного государством или группой лиц сообщества, то сама идея поставить организацию во главу угла обречена на провал. Но следует учитывать то, что, по мнению Б.-Л. Гуннарссон, это относится к методике исследования объекта, а не к самому объекту. Сущность дискурса, разворачивающегося внутри отдельных организаций, их объединений под управленческой эгидой и роль неформального человеческого общения, требует дальнейшего осмысления.

В рамках этой работы Б.-Л. Гуннарссон принадлежит ещё одна интересная идея. Она заключена в следующем высказывании: “[...] I would claim that discourse plays a different role in organizations than it does in institutions. In an organization, discourse is of crucial significance, not only for the success of the various communicative activities which occur there, but also for the actual survival of the organization. We have had hospitals, courts and government agencies for centuries, and they are likely to remain with us even if they do their job badly. A company, on the other hand, cannot take survival for granted. It has to work at it continuously, which means that language has a decisive part to play” [Op.cit., с. 10]. Таким образом, следует дифференцировать институт как совокупность отдельных организаций и некоторую конкретную организацию в этой системе, по крайней мере, при исследовании дискурса. Объективная дифференциация института и организации, безусловно, соответствует истине. Это проявляется, в том числе, и в языковых номинациях. Например, «здравоохранение» и «больница», «внутренние органы» и «отделение УВД/ пост ДПС», «банковское дело» и «отделение Сбербанка» – это, вне всякого сомнения, не только разные слова и словосочетания, но и разные понятия по степени абстрагирования, по общим и частным функциям, масштабу действий, характеру взаимодействия с клиентами или пользователями и т.п. Значит ли это, что и дискурс внутри каждого из отдельных членов указанных противопоставлений должен быть описан и исследован в разных терминах?

В более поздней работе, написанной Б.-Л. Гуннарссон уже без соавторов, появляется другой термин, являющийся в то же время и заглавием монографии – «профессиональный дискурс». Нетрудно понять, что понятие «профессия» ещё более абстрагировано от понятия «организация», нежели понятие «социальный институт», и это понятие выходит уже на межкультурный уровень, поскольку основные профессиональные стандарты и алгоритмы деятельности в целом одинаковы или весьма схожи в различных странах, в которых эти профессии существуют. Насколько же конгруэнтно данное различие проецируется в дискурсивной плоскости? Б.-Л. Гуннарссон определяет данный тип дискурса следующим образом: “professional discourse includes written texts produced by professionals and intended for other professionals with the same or different expertise, for semi-professionals, i.e. learners, or for non-professionals, i.e. lay people. It also means that it includes talk involving at least one professional. Professional will here be used in a wide sense, e.g. as a synonym to ‘paid-work related’. The term will thus cover both unskilled and skilled paid jobs, i.e. both cleaners and doctors who work in a hospital, both white and blue collar staff in a factory, etc.” [Gunnarsson, 2009, pp. 5]. С точки зрения отечественного лингвиста, здесь можно поспорить, поскольку профессиональные действия в нашей стране зачастую осуществляются людьми, не получившими специального профессионального обучения или не прошедшими специальную подготовку, что нехарактерно для западных стран с их

чётким разделением профессиональных функций. Тем самым вышеуказанное определение не вызывает никаких сомнений с точки зрения Б.-Л. Гуннарссон как резидента страны в Северной Европе. В то же время с учётом социального опыта нашей страны оно нуждается в дополнительном рассмотрении.

Комментируя данное определение профессионального дискурса, Е.Н. Азначеева и Ю.В. Мамонова из всего написанного Б.-Л. Гуннарссон выделяют как основное утверждение о синонимичности терминов 'professional' и 'paid-work related' в отношении 'skilled and unskilled paid jobs' (Aznacheeva & Mamonova 2015: 31). Как представляется, здесь также имеется некоторое противоречие, связанное с картиной мира в том или ином исторически сложившемся социуме, и не обязательно языковом. Несомненно, в подавляющем большинстве случаев профессиональные действия предполагают в качестве обязательного компонента оплату труда, но в ряде специфических кластеров общественных отношений профессиональные действия могут быть неоплаченными. И дело даже не в близком к эпитетам использовании слов «профессиональный» и «профессионально». Трудно, например, отказать в профессионализме маститому учёному или даже аспиранту, отправляющим свои научные публикации в периодическое издание, не только не получая за это гонорар, но и порой платя свои «кровно заработанные» средства за эту публикацию, зачастую руководствуясь стимулами не материальной награды, а престижа, иногда тщеславия и т.п. Впрочем, это действительно случаи системные в пределах некоторой узкой профессиональной подсистемы, и в целом при определении типа статусно-ориентированного дискурса ими можно пренебречь, но их стоит учитывать при дискурсивном анализе таких отдельных подсистем.

Прежде чем перейти к анализу других точек зрения на дискурс, противопоставляемый персональному, необходимо отметить, что в анализируемой монографии есть ещё одно важное положение о профессиональном дискурсе, требующее дополнительного размышления. Рассматривая основные отличия профессионального дискурса по сравнению с другими видами дискурса, Б.-Л. Гуннарссон выделяет следующие категориальные признаки: (1) Expert discourse¹ related to different domains, (2) Goal-oriented, situated discourse, (3) Conventionalized form of discourse, (4) Discourse in a socially ordered group, (5) Discourse dependent on various societal framework systems, and (6) Dynamically changing discourse [Gunnarsson, 2009, pp. 5] и, характеризуя первый из этих параметров, пишет следующее: "Private discourse belongs to everyone in a language community, while professional discourse is owned by the members of a specific group, a specific discourse community. If we choose a specialized education and working-life career we will be taught a particular expert language and discourse, which means that we will gradually be socialized into a particular professional community. Private discourse is mainly learnt unconsciously whereas professional discourse is taught to us as part of our professional or vocational training" [Op.cit., с. 6]. Данное положение важно тем, что в нём вырабатывается значимый, на наш взгляд, признак любого статусно-ориентированного дискурса независимо от того, какое терминологическое звучание придаётся ему тем или иным исследователем, а именно, принадлежность дискурса всему языковому коллективу в лице отдельных индивидов в противоположность коллективу, объединённому некоторой общественно значимой деятельностью. Это положение представляется важным для определения онтологического статуса различных видов статусно-ориентированного дискурса.

¹ Как нетрудно сделать вывод после перевода, возможен ещё один термин (или, не исключено, терминологический вариант) – «экспертный дискурс».

Термин «профессиональный дискурс» использует и другой известный исследователь в этой области Кеннетт Конг, но вкладывает в него слишком узкое, по нашему мнению, содержание. В частности, по мнению К. Конга «Professional discourse is the language used by professionals including lawyers, doctors and engineers» [Kong 2014, p. 5]. Тем самым не только резко ограничивается круг участников дискурса, но также очевидно, что это утверждение вступает в явное противоречие с приведенным выше указанием Б.-Л. Гуннарссон на то, что в профессиональном дискурсе *минимум* один из участников должен быть специалистом в указанной отрасли общественного производства или услуг. Именно подобного рода разночтения терминов являются важнейшим стимулом для проведения углубленного исследования содержания разных терминологических наименований дискурса, обслуживающего общественно значимую сферу деятельности. Ещё одно терминологическое сочетание – business discourse – вносит свою долю в общую путаницу терминов в связи со статусно-ориентированным дискурсом. Несколько расплывчатое определение, данное Ф. Барджела-Чаппини, К. Никерсон и Б. Планкен – “Business discourse is all about how people communicate using talk or writing in commercial organizations in order to get their work done” [Bargiela-Chiappini et al., pp. 3] – не даёт каких-либо ключей для его дифференциации в ряду других подобных видов дискурса. Г.М. Алесси и Г. Якобс практически не делают различий между деловым и профессиональным типами дискурса [Alessi, 2015].

Говоря о бизнес-дискурсе, Р. Сальви и Дж. Бамфорд замечают его такую важную черту, как противоречивость: “Business discourse is actually difficult to pin down because it is usually very heterogeneous: it can be formal/informal, take place in/outside the workplace, be written or oral, use various channels (for example telephone, face-to-face, computer) and exploit various registers and genres [...]. However, business discourse is analyzed here in relation to professional discourse, as both make use of a variety of context and language experiences which very often interact” [Salvi, 2007, pp. 1]. Как можно заметить, эти авторы различают профессиональный и бизнес-дискурс, хотя и говорят об их многочисленных системных наложениях друг на друга.

Подвести черту под обзором номинаций статусно-ориентированного дискурса хотелось бы ещё одним термином – “commercial discourse”. Следует сразу отметить тот факт, что этот термин никак не может быть отнесён к указанной парадигме различных наименований статусно-ориентированного дискурса: при любой номинации он может обозначать максимум подвид одного из указанных терминов, поскольку данный термин характеризует лишь рекламный дискурс, о чём свидетельствует ряд работ, указывающих в качестве объекта исследования commercial discourse [Feng, 2007], [Andres, 2014], [Asghar, 2014].

Следует заметить, что в целом доля фундаментальных исследований статусно-ориентированного дискурса в зарубежной лингвистике (впрочем, как и в отечественной) заметно меньше по сравнению с исследованиями прикладного характера. В основном данные работы посвящены изучению аспектов обучения английскому языку для специальных целей (ESP) в плане профессиональной подготовки в определённой области общественного опыта и знаний (например, [Мощанская 2012; Наумова 2012; Пеньков 2009; Rolak http]). Тем не менее, в них зачастую встречаются частные положения, которые могут внести ясность в фундаментальную часть исследований такого дискурса.

Например, Шрикант Саранги высказывает следующую мысль, важную для исследований онтологических характеристик профессионального/ институционального/ специального/ экспертного/ делового дискурса мысль: “It is [...] not only the *form* of the utterance which determines how we understand it, but the characteristics of the whole speech situation. *This is what makes it so difficult to categorize speech acts in a systematic and*

scientifically valid way, and why we have to fall back very largely on ad hoc criteria which are based on common sense (курсив наш – И.Ч., О.П.)” [Sarangi, 2005, pp. 376]. То, что ситуация является важной категориальной составляющей любого дискурса, в целом является аксиоматичной, хотя, судя по научной литературе, в которой исследуются лингвистические характеристики дискурса, ситуации как категории часто отказывается в такого рода статусном характере (например, [Карасик, 2000, pp. 11]). Поэтому трудности категоризации речевых актов, о которых пишет С. Саранджи, обуславливают и сложность описания регулируемых статусно-ориентированных ситуаций, в которые вступают люди вследствие их взаимодействия друг с другом. Отсюда и многообразие терминологии, которой данный вид дискурса номинируется.

3. ОБЩИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

В общем виде проблема обрисовывается следующим образом. Существует несколько терминологических номинаций, а точнее, прилагательных (или существительных в случае англоязычной терминологии) в функции определения для обозначения дискурса, противопоставляемого личностно-ориентированному дискурсу и имеющего такие основные признаки, как отношение к какой-либо общественно значимой профессии или роду занятий (за выполнение обязанностей в связи с ними человек в большинстве случаев получает материальную награду) и наличие у этого рода занятий собственной терминосистемы и профессионального жаргона. В приведенной выше цитате работы Р. Сальви и Дж. Бамфорд указывается и такая важная характеристика статусно-ориентированного дискурса, как сочетание в его пределах различных регистров и жанров общения. Казалось бы, существенной проблемы в этой связи не существует. Тем не менее остаётся важный вопрос. Поскольку основным требованием к речевым произведениям научного функционального стиля является точность научного изложения, он формулируется следующим образом: существует ли разница между терминами «институциональный дискурс / institutional discourse», «деловой дискурс / business discourse», «экспертный дискурс / expert discourse», «специальный дискурс / special discourse» и «профессиональный дискурс / professional discourse», и если «да», то в чём состоит их отличие, а если «нет», то к чему такая обширная синонимия терминов одного и того же понятия?

Причина представляется достаточно прозрачной. Как справедливо полагает Е.Н. Малюга, «Англоязычная (*вполне допустимо заменить на «универсально рассматриваемая»* – примеч. аторов – И.Ч., О.П.) профессиональная лингвокультура, как правило, не выделяется в самостоятельный тип. Профессиональные лингвокультуры рассматриваются учеными как области культуры либо как субкультуры» [Малюга, 2011, с. 137].

Как нетрудно заметить, представленные выше терминологические словосочетания обозначают различные вещи, имеющие отношение к чему-то общему, объединяющему их и в то же время принуждающему к необходимому определению того, что стоит за каждым из этих терминологических словосочетаний.

Само собой разумеется, что данная проблема едва ли может быть решена «с наскока», в рамках одной статьи и даже монографии. Для её решения требуется пёстрая палитра научных взглядов и убеждений, многочисленные дискуссии и развёрнутая полемика, и, как нам представляется, главное направление в поиске такого решения должен составить кропотливый, подробный анализ устных и письменных речевых произведений в рамках отдельных жанров статусно-ориентированного дискурса с учётом той социально значимой сферы занятости, в рамках которой осуществляется данный поиск.

Особенно осторожно следует определиться с тем, не являются ли какие-то указанные виды общественно-ориентированного дискурса подвидами или гибридными формами других дискурсивных типов. Не исключено, что в ходе таких исследований могут предлагаться и иные термины, находящиеся в синонимических отношениях с рассматриваемыми. В частности, С.Б. Иримейя, ссылаясь на работу Элмут Кёстер *Workplace Discourse* [Continuum Discourse Series, 2010], указывает на то, что автор этой работы интерпретирует данный термин следующим образом: “a type of discourse that belongs to professional discourse, to institutional discourse and also to business discourse” [Irimiea, 2017, pp. 109]. Термин, несомненно, очень интересный, требующий дальнейшей разработки обозначаемого им понятия. Тем не менее, данная интерпретация онтологического статуса такого вида дискурса представляется достаточно неопределённой и требует дальнейшего поиска решений. В частности, возникают следующие вопросы:

- если, как можно судить по названию, данный тип дискурса привязан к определённому месту работы, то как его следует описывать в связи с производственной необходимостью выездов в командировки в организации другого ведомства, в экспедиции, на полевые практики и т.п.?

- каков механизм соединения профессионального, институционального и делового дискурсов (если они действительно являются разными видами статусно-ориентированного дискурса) с дискурсом «рабочего места»?

- в чём специфика такого гибридного вида дискурса по сравнению с базовыми? и другие.

В связи с разграничением указанных терминов важным является и учёт того, насколько данный эпизод общего инварианта статусно-ориентированного дискурса пересекается с различными сферами общественной деятельности, под которые можно подвести различные организации, имеющие разное ведомственное подчинение, предприятия и организации, имеющие выраженное в масштабах общества отношение друг к другу, но различающиеся ассортиментом выпускаемой продукции, общей целевой направленностью конкретной деятельности каждой из входящих в общую систему организаций, характером деятельности разных подразделений внутри единой организации и т.п. Например, если мы возьмём военную сферу, то люди, имеющие отношение к службе в вооружённых силах какой-либо страны, чётко понимают, что при необходимости оказать комплексное сопротивление агрессору или, наоборот, атаковать другое государство в дело вступают и мотострелковые, и танковые, и сапёрные подразделения и соединения, а также авиация и артиллерия и другие роды войск. В этой общей сфере существует некоторая общая для всех вооружённых сил терминология («фрапорт», «установка», «штаб», «патруль» и др.), жаргон («салага», «губа» и др.), специфические синтаксические структуры, носящие ритуально-семиотический характер, например, различные команды, специфические, типичные для военной сферы прибаутки, афоризмы и прочие устойчивые словосочетания и высказывания. С этих позиций специфику дискурса, характерного для всех и тем самым для любого рода войск можно уверенно отнести к военному институциональному дискурсу. Но если взять специфику неформального общения военнослужащих сухопутных и военно-морских сил, то отличия будут существенными и заметными даже для людей, которые никогда не имели отношения к воинской службе. Возникает вопрос: военно-морской, сухопутный и авиационный подвиды специального дискурса относятся к разным видам какого-либо (институционального, профессионального, специального, делового, экспертного) типа статусно-ориентированного дискурса, или же они объединяются в пределах общего военного институционального дискурса?

Ещё одним важным моментом в выяснении степени совпадения и дифференциации онтологических конститутивных признаков в пределах различных указанных терминов общего обозначения статусно-ориентированного дискурса представляется необходимым проводить намечаемое исследование так, чтобы оно, при всей актуальности обращения к смежным с лингвистикой отраслям знания, никоим образом не отрывалось от собственно языковедческих исследований. Если изучается определённый вид статусных отношений в рамках названных типов дискурса, представленный каким-то жанром (например, радиопереговоры экипажа воздушного судна с диспетчером, приём врачом пациента, апелляция студента в связи с пересдачей экзамена на лучшую оценку и т.п.), то акцент должен делаться не только на ситуации и её экстралингвистических атрибутах, но и на явлениях, рассматриваемых в первую очередь как явления языковые / речевые.

Так, например, М. Тарантино эффективно исследует использование языковых средств передачи модального значения в профессиональном дискурсе [Tarantino, 2011].

По мнению ряда исследователей, анализ показывает, что даже в относительно коротком тексте специального характера интертекстуальные связи являются не только многочисленными, но и оказывающими сильное влияние на общую модальность текста [Cheng & Mok, 2008, pp. 67]. Важным является и глубокий анализ категории интертекстуальности статусно-ориентированного дискурса. Особый акцент на интертекстуальность надо сделать, на наш взгляд, потому, что именно этот феномен зачастую стирает грани между различными типами дискурса, делая их практически неразграничимыми.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нетрудно заметить, что проблема дифференциации общей терминологии статусно-ориентированного дискурса ещё достаточно далека от своего окончательного решения. Тем не менее, как мы пытались показать это, решать её необходимо уже потому, что при создавшемся нагромождении терминов невозможно выделить компоненты, категории, ролевой статус коммуникантов и т.п. определённого вида статусно-ориентированного дискурса. Наибольшей трудностью в этом плане является экстралингвистический фактор, а именно то, что разные сферы производственных, деловых и иных статусных отношений постоянно перекрещиваются, тем самым не позволяя провести чёткую грань в том, где кончается иерархически один тип дискурса и начинается другой.

Вторым серьёзным фактором, затрудняющим такую дифференциацию, является пестрота статусных ролей участников специально ориентированного дискурса. На практике взаимодействие специалистов из разных отраслей и коммуникация с людьми, не занятыми профессионально в данной организационно-общественной сфере, постоянно смазывают грани, которые позволили бы чётко выделить дискурсивные типы и внести какую-то определённую в типологические основания статусно-ориентированного дискурса. Более того, можно с достаточной долей уверенности заявлять, что при системном исследовании онтологических характеристик таких пока нечётко дифференцированных терминов могут возникнуть новые понятия, позволяющие не только разграничить институциональность, профессиональность, специализацию и другие категориальные параметры статусно-ориентированного дискурса, но и способные дать новые исследовательские импульсы к изучению статусно-ориентированного дискурса. Именно с этих позиций данная проблема представляется весомой и требующей своей дальнейшей разработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 1(9). С. 145-149.
2. Гавриленко Н.Н. Переводческий анализ лингвистических особенностей французского специального дискурса // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2015. № 1. С. 201-211.
3. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1(292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32-35.
4. Данилова С.А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсная гетерогенность // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 316-320.
5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Малюга Е.Н. Основные характеристики профессионального языка // Вестник СамГУ. 2011. №1/2 (82). С. 133-137.
8. Мощанская Е.Ю. Когнитивные модели дискурса профессионального общения при обучении переводчиков // Образование и наука. 2011. № 2(91). С. 118-129.
9. Наумова А.П. Научная статья как жанр профессионального дискурса переводчиков // Вестник ЮурГУ. 2012. № 25. С. 116-118.
10. Пеньков Б.В. Дифференциация профессионального дискурса: образовательный дискурс // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2009. № 4. С. 63-68.
11. Пономаренко Е.В. Функциональные свойства иронии в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 171-176.
12. Солнышкина М.И., Кузьмина О.Д. Дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения // Сопоставительная типология и межкультурная коммуникация на современном этапе: Сборник трудов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Гатиатуллиной З.З. Казань, 2009. С. 34-43.
13. Стеблецова А.О. К вопросу о типологии делового дискурса // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 659-662.
14. Храменко Д.С. Английский деловой дискурс в развитии: функционально-синергетические аспекты. Тула: Гриф и К, 2014.
15. Ширяева Т.А. Общекультурные и институциональные особенности дискурса // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 103-108.
16. Ширяева Т.А. Деловой дискурс: знания, язык, текст (на материале современного английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33(248). Вып. 60. С. 136-138.
17. Agar M. Institutional discourse // *Interdisciplinary journal for the study of discourse*. Amsterdam: Mouton Publishers, 1985. Pp. 147-168. DOI: 10.1515/text.1.1985.5.3.147
18. Alessi G.M., Jacobs G. Reflections on the ins and outs of business and professional discourse // *The ins and outs of business and professional discourse research: reflections on interacting with the workplace research*. Springer, 2015. Pp. 1-10.

19. Andres S. de, Maestro R.L. Critical analysis of government vs. commercial advertising discourse on older persons in Spain // *Comunicar: Media education research journal*. Andalusia, 2014. No 42. Vol. XXI. Pp. 189-196.
20. Asghar J. Language power and ideology in commercial discourse: a prologue to critical discourse analysis for neophyte analysts // *Academic journal of interdisciplinary studies*. Rome: MCSER Publishing, 2014. Vol. 3. No 4. Pp. 225-232.
21. Aznacheeva E., Mamonova Yu. Semiotic and cognitive aspects of professional discourse study // *Mediterranean journal of social sciences*. Rome: MCSER Publishing, 2014. Vol. 6. No 6 S5. Pp. 30-34.
22. Bargiela-Chiappini F., Nickerson C., Planken B. *Business discourse*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
23. Cheng W., Mok E. Discourse processes and products: land surveyors in Hong Kong // *English for specific purposes*. 2008. Vol. 27. Pp. 57-73.
24. Gunnarsson B.-L. *Professional discourse*. Cornwall: MPG Books, 2009.
25. Gunnarsson B.-L., Johansson C., Jämtelid K., Skulstad A.S., Norlyk B., Bülow-Møller A.M. *The Study of Discourse in Organizations // Multiple languages, multiple perspectives*. 1999. Pp. 9-54.
26. Irimiea S.B. Professional discourse as social practice // *European journal of interdisciplinary studies*. 2017. Vol. 9. No 1. Pp. 108-119.
27. Kong K. *Professional discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
28. Rolak I. Oral business discourse and the problems of its teaching to foreign students // *Language and Culture*. 2014. No 2. Pp. 129-138.
29. Salvi R., Bamford, J. Introduction // *Business discourse: language at work*. Roma: ARACNE Editrice, 2007. Pp. 1-9.
30. Sarangi S. The conditions and consequences of professional discourse studies // *Journal of applied linguistics*. 2005. Vol. 2.3. Pp. 371-394.
31. Tarantino M. Inter-subjectivity, cognition, nature and multimedia representations: modal categories in professional discourse // *LSP journal*. 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 16-43.

REFERENCES

1. Agar, M. (1985). Institutional discourse. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse Mouton Publishers, Amsterdam*, 147-168. DOI: 10.1515/text.1.1985.5.3.147
2. Alessi, G.M., & Jacobs, G. (2015). Reflections on the Ins and Outs of Business and Professional Discourse. *The Ins and Outs of Business and Professional Discourse Research: Reflections on Interacting with the Workplace Research*, Springer, 1-10.
3. Andres, S. de, & Maestro, R.L. (2014). Critical Analysis of Government vs. Commercial Advertising Discourse on Older Persons in Spain. *Comunicar: Media Education Research Journal*, Andalusia, Spain, No 42, Vol. XXI, 189-196.
4. Asghar, J. (2014). Language Power and Ideology in Commercial Discourse: A Prologue to Critical Discourse Analysis for Neophyte Analysts. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies MCSER Publishing, Rome, Italy*, Vol. 3. No 4, 225-232.
5. Aznacheeva, E., & Mamonova, Yu. (2015). Semiotic and Cognitive Aspects of Professional Discourse Study. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing, Rome, Italy, Vol. 6, No 6 S5, 30-34.
6. Bargiela-Chiappini, F., Nickerson, C., & Planken, B. *Business Discourse*. New York, USA: Palgrave Macmillan, 2007.

7. Bejlinson, L.S. (2009). Professional'nyj diskurs kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Professional Discourse as a Subject-Matter of Linguistic Studies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2. Yazykoznanie [Proceedings of Volgograd State University, Ser. 2. Linguistics]*, № 1(9), 145-149 (in Russian).
8. Cheng, W., & Mok, E. (2008). Discourse Processes and Products: Land surveyors in Hong Kong. *English for Specific Purposes*, 27, 57-73.
9. Danilova, S.A. (2015). Institucional'nyj diskurs, interdiskursivnost' I diskursnaya geterogenost' [Institutional Discourse, Inter-Discourseivity and Heterogeneity of Discourse]. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and Methodical Electronic Journal "Concept"]*, T. 30, 316-320 (in Russian).
10. Gavrilenko, N.N. (2015). Perevodcheskij analiz lingvisticheskikh osobennostej francuzskogo special'nogo diskursa [The Translation Analysis of the Linguistic Peculiarities of the French Special Discourse]. *Vestnik RUDN, Seriya Lingvistika [The RPFU Herald, Ser. Linguistics]*, № 1, 201-211 (in Russian).
11. Golovanova, E.I. (2013). Professional'nyj diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noj kommunikacii: sootnoshenie ponyatij [Professional Discourse, Sub-Discourse, Genre of Professional Communication: the Correlation of the Notions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Chelyabinsk State University]*, № 1(292). *Filologiya. Iskusstvovedenie [Filology and Fine Arts]*, Vyp. 73, 32-35 (in Russian).
12. Gunnarsson, B.-L. (2009). *Professional Discourse*. Cornwall: MPG Books.
13. Gunnarsson, B.-L., Johansson, C., Jämtelid, K, Skulstad, A.S., Norlyk, B., & Bülow-Møller, A.M. (1999). The Study of Discourse in Organizations. *Multiple Languages, Multiple Perspectives*, 9-54.
14. Irimiea, S.B. (2017). Professional Discourse as Social Practice. *European Journal of Interdisciplinary Studies, Vol. 9 No 1*, 108-119.
15. Karasik, V.I. (2000). O tipah diskursa [Of the Discourse Types]. *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj I personal'nyj diskurs: Sb. Nauch. Tr. [The Linguistic Personality: the Institutional and Personal Discourse: Selected scientific papers]*, Volgograd. *Peremena*, 5-20 (in Russian).
16. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]*. Volgograd, Peremena (in Russian).
17. Khramchenko, D.S. (2014). *Anglijskij delovoj diskurs v razvitii: funktsionalno-sinergeticheskiye aspekty [English Business Discourse: Functional-Synergetic Aspects]*. Tula: Grif i Ko (in Russian).
18. Kong, K. (2014). *Professional Discourse*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
19. Malyuga, E.N. (2011). Osnovnye harakteristiki professional'nogo yazyka [The Main Characteristic Features of the Professional Sub-Language]. *Vestnik SamGU [Samara State University Herald]*, №1/2 (82), 133-137 (in Russian).
20. Moshchanskaya, E.YU. (2011). Kognitivnye modeli diskursa professional'nogo obshcheniya pri obuchenii perevodchikov [The Cognitive Models of the Professional Communication Discourse in Teaching the Interpreters]. *Obrazovanie I nauka [Education and Science]*, № 2(91), 118-129 (in Russian).
21. Naumova, A.P. (2012). Nauchnaya stat'ya kak zhanr professional'nogo diskursa perevodchikov [The Scientific Article as a Genre of the Interpreters' Professional Discourse]. *Vestnik YUUrGU [The South-Urals State University Scientific Herald]*, № 25, 116-118 (in Russian).
22. Pen'kov, B.V. (2009). Differenciaciya professional'nogo diskursa: obrazovatel'nyj diskurs [The Differentiation of the pprofessional Discourse: the Educational Discourse].

- Vestnik RUDN, Ser. Lingvistika [The RPFU Herald, Ser. Linguistics], № 4, 63-68 (in Russian).*
23. Ponomarenko, E.V. (2009). Funkcional'nye svojstva ironii v anglijskom delovom diskurse [The Functional Properties of Irony in the English Business Discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Samara State University Herald. History, Pedagogics, Philology], № 2, 171-176 (in Russian).*
 24. Rolak, I. (2014). Oral business discourse and the problems of its teaching to foreign students. *Language and Culture, No 2, 129-138.*
 25. Salvi, R., & Bamford, J. (2007). Introduction. *Business Discourse: Language at Work. Roma: ARACNE editrice, 1-9.*
 26. Sarangi, S. (2005). The conditions and consequences of professional discourse studies. *Journal of Applied Linguistics, Vol. 2.3, 371-394.*
 27. Solnyshkina, M.I., Kuz'mina, O. D. (2009). Diskurs kak tekst, pogrzhennyj v situaciju obshcheniya [Discourse as a Text Plunged into the Communicative Situation]. *Sopostavitel'naya tipologiya I mezhkul'turnaya kommunikaciya na sovremennom ehtape: Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Comparative Typology and Inter-Cultural Communication. Proceedings of the International Scientific Conference], Kazan', 34-43 (in Russian).*
 28. Steblecova, A.O. (2014). K voprosu o tipologii delovogo diskursa [To the Problem of the Business Discourse Typology]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki [The Humanities and Social Sciences], № 2, 659-662 (in Russian).*
 29. Shiryayeva, T.A. (2007). Obshchekul'turnye I institucional'nye osobennosti diskursa [The General Cultural and Institutional Peculiarities of the Discourse]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skills], № 4, 103-108 (in Russian).*
 30. Shiryayeva, T.A. (2011). Delovoj diskurs: znaniya, yazyk, tekst (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka) [The Business Discourse: Knowledge, Language, Text (on the Material of the Modern English Language)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie [Proceedings of the Chelyabinsk State University. Ser. Philology and Fine Arts], № 33 (248), Vyp. 60, 136-138 (in Russian).*
 31. Tarantino, M. (2011). Inter-subjectivity, cognition, nature and multimedia representations: modal categories in professional discourse. *LSP Journal, Vol. 2, No. 1, 16-43.*

ON THE PROBLEM OF ONTOLOGY AND TERMINOLOGY OF STATUS-ORIENTED TYPES OF DISCOURSE IN MODERN LINGUISTIC DISCOURSE

*Igor V. Chekulai
chekulai@bsu.edu.ru*

*Olga N. Prokhorova
prokhorova@bsu.edu.ru*

Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

The article raises the problems of the status-oriented discourse typology. The essence of them lies in the fact that there exist several terminological nominations of such general type of the discourse, namely “institutional discourse”, “business discourse”, “expert discourse”,

“specialized discourse”, “professional discourse”. These terminological nominations often overlap giving the effect of vagueness of a certain term. The genre versatility of the texts pertaining to some discourse cluster of a specialized (i.e. involving certain special knowledge at least from the part of one of the discourse participants) character is such a case. More than that, we often meet the same authors using different terms from the list above. Still, the authors of the article consider these terms to denote different essences differentiating not only from the nominative point of view, but ontologically as well. First, they are sure to denote hierarchically different levels of the status-oriented discourse. Second, they are sure to present peculiar to a certain types of a discourse categorical status of the communicants. Third, the coordination of oral and written discourse genres is bound to be peculiar to a certain kind of the discourse. All these considerations predetermine the common efforts of linguists to conduct systemic research of the problem.

Key words: status-oriented discourse, institutional discourse, business discourse, expert discourse, special discourse, professional discourse.